
ПОВЕСТЬ

Наталья Гнатюк
(г. Москва)

ДИКАЯ РОДИНА*

Наталья Павловна Гнатюк — мастер спорта СССР по настольному теннису, чемпионка Европы среди молодежи, многократная победительница российских и международных турниров. Окончила факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова и 20 лет проработала в газетах и журналах; в 80-е годы перешла на педагогическую деятельность. Более двух десятков лет руководит детским теннисным клубом, воспитала тысячи учеников, является бессменным президентом Межрегиональной детской общественной организации любителей настольного тенниса, объединяющей 30 теннисных клубов от Череповца до Владивостока. Ежегодно проводит крупные московские и всероссийские чемпионаты и кубки. Автор шести научно-популярных изданий, книги стихов «Я возвращаюсь в мир иной...», сборника рассказов «Игра без правил». В 2009 году вышла ее третья книга «Смерть в начале сентября». Готовится к печати остросоветный интеллектуальный роман «Никогда не ищи нигде». Член Союза журналистов Москвы, член Союза писателей России.

Бронзовый жилистый индеец идиолом стоял на колене. Слегка подправляя веслом, удерживал каноэ на глади Химкинского канала и глядел сквозь зеленоглазую Варьку.

— Дай прокатиться, — безнадежно шепнула она.

Индеец оставался невозмутим.

— А ну, дай! — невесть откуда в кулаке у девочки оказался камень. — А то пробыю насквозь твою посудину!

Загорелый гребец в белоснежных шелковых трусах молча вылез на берег, вручил весло ошалевшей Варьке и ткнул пальцем, куда стать коленом. Она выпустила камень, стряхнула с ладошки песок и приняла короткое весло. Только парень отпустил борт, каноэ мгновенно, быстрее поплавка, перевернулось, хлопнув Варьку по макушке и погребая ее в бездну Москва-реки.

Девочка отчаянно забарахталась в гуще зеленой воды. Дважды получила днищем по виску и по уху. Нащупала что-то вроде каната, который немедленно выдернул ее, задышающуюся, на поверхность, а затем и на траву.

* Журнальный вариант.

— Артур,— ожил индеец (на широких скулах загорелись красные пятна) и замялся,— Кочубеев.

Она заметила: еще сжимает оцепенело его руку. Пришлось взаимно представиться.

— Варя...

— А дальше? — румянец залил все щеки. Девочка поняла: он тоже стесняется своей фамилии...

Артур осторожно освободил пальцы, подтянул хрупкую лодочку, и, перевернув на вытянутых напряжинившихся руках, принялся выливать воду.

— Ты взаправду кинула бы камень?

— А то! — шмыгнула носом Варька, стесняясь облепившего платьица и волососулек.

— Дикая ты какая-то, Варя. Казенное добро портить нельзя. А управлять каноем очень трудно. Видишь, насколько острый нос?

Девочка поняла: юноша не намного старше ее. Погладила лакированное днище.

— Я только на седьмой раз поплыл, все кувыркался...

— ...Всякому делу надо учиться,— учительским тоном поддакнула Варька.

Его карие, серьезные, и ее, светящиеся зелеными искрами, глаза встретились. Оба расхохотались.

— Наш тренер... так... именно... и говорит,— задыхаясь, выдавил Артур и, внезапно посерьезнел.— Мне еще десятку сделать надо.

Он залез в каное.

— Не поминай лихом, Варвара Родина. А сейчас гребь, гребь отсюда!

Все смешалась у девочки в голове. Она стащила, наконец, мокрое платье, подоткнула его под бретельку, прыгнула и неспешно поплыла вдоль берега.

Вот отсюда, с этого бугорка, она и отправилась в большой спорт. Отмахивая легкие саженьки, изумляясь: «Ну и откуда он знает мою фамилию? Ведь я ему, кажется, полностью не представлялась?»

Вскоре Варька перешла в спортивный интернат на Водном стадионе.

* * *

«Зинаида Соколова, Варвара Родина, Ольга Косорукова и Александра Забалуева вызываются на старт по седьмой воде!»

Ах, какая у них сложилась четверка!

Загребная Зинка из Ростова, крепенькая, словно мячик для гольфа, и нагленькая, словно мальчик «Дяденька, купи кирпич!», за плечами которого вырастает местная шпана: «А ну дай, шо ребенок просит!»

Оленька Косорукова — обладательница фарфоровых глаз и белоснежной гривы, напоминающей петербургские майские ночи. Всякому хотелось проводить ее до старта или, по крайней мере, научить держать весло.

Сибирячка Александра (руки с древко) — рослая, гориллообразная девица. Сидела за Оленькой, глядя в загорелые лопатки с таким с обожанием, что возникали нехорошие мысли о ее ориентации. Пока команду не познакомили с ее мужем Шибздиком. Он не был маловат, напротив — длинен и строен, но миниатюрно сложен, и пальцы отличались изяществом. Шибздик настраивал клавишины. Александра молилась на него. А однажды, после победы на молодежке страны, понесла его на руках. В прямом смысле слова. В общем, Александра просто любила все изящное.

А Варьку определили между Зинкой и Оленькой — в сердце «мотора» байдарки. Да и кого сажать вторым номером! Когда девочки приседали с грифом от штанги, она накручивала себе и по блину. Подтягивались на турнике — ей непременно хотелось ткнуться подбородком в железяку не тридцать, а хотя бы на раз больше. Предлагали обвеситься свинцовым поясом для усиления маха — первая утяжелялась. А

если связать все растянутые для укрепления предплечья и порванные ею куски резины, ими наверняка можно обмотать земной шар. «Упорная ты, Варвара,— с уважением признавал тренер,— будто першерон. Инициативы, правда, не хватает, в «одиночку» тебя не посадишь. А «рабочей лошастью» в «мотор» самое милое дело. И прогребешь до конца, и любой темп поддержишь».

Их вызвали почти на крайнюю воду. Четыре центральные дорожки полагались лидерам. Но для дебютанток взрослого чемпионата страны и это считалось невероятным успехом.

Трибуны затаились. Стало слышно хлопанье флагов на ветру.

Выстрел взорвал тишину. «А-а-а!» — заорали загребные. И пошло, поехало. Сумасшедший раскат в сто гребков в минуту. Раз! Два! Три! Четыре! Раз! Два! Три! Четыре! Вот-вот треснут мышцы спины. Вот-вот порвутся струны сухожилий! За что? Беда! Мука-то какая! Терпеть! Стиснуть зубы покрепче и выдюжить...

Мелькнул красный буюк — полдистанции позади. Брызги летят в глаза, весла бесперебойно вспенивают воду. Лети моя лодка, лети! Держать темп, держать!

Твою мать!.. Загребная поймала «леща» — зазевалась, не успела вытащить свое весло, и его накрыло Варвариным, отрубило лопасть. Зинка дернулась вбок...

— Рыпнешься — убую! Рули давай! — не помня себя, заорала Варька и еще громче завопила.— И раз!! И два!! И два!!! И два!!!

Она взвинтила скорость до невероятной. Казалось, лодка не плыла, а копьём пронзала водяной смерч. Зинка скорчилась на носу байдарки, закрыв голову, и Варька совершенно ослепла от летящего в нее водопада.

— Да уймись ты! — Оленькины руки обнимали ее за плечи.— Мы за финишным створом! Стой! Хорош, говорю!

Они не победили в той гонке. Все-таки три «рабочие лошади» — это не четыре. Но они выиграли серебро. И обрели право уважать себя на всю оставшуюся жизнь.

* * *

Втиснуться в золотистые шведские кроссовочки оказалось непосильно. Пришлось достать раздолбанные, старые, сыновни. Вдобавок пушистая подхалимка Бонька, виляя хвостом, задела Варвару Алексеевну по голени, и та взвыла.

— Абсолютно не вижу причины,— статный хирург тщательно вытер руки.— Кости целы, суставы моложе возраста. Сходите-ка вы, в Центральный ревматологический институт.

Ожидая очереди, она обратила внимание: все вокруг на низком каблуке, большинство в тапках или кроссовках.

— Полных лет сколько?

— Пятьдесят четыре.

— Ну-с, согните ноги в коленях. Болят?

— Нет.

— Выпрямите. Больно?

Лежащей на кушетке Варваре Алексеевне стало смешно.

— Велосипед могу покрутить.— И она продемонстрировала, как прямой, так и обратный, с хорошей амплитудой и скоростью, достойной мастера спорта СССР.

— На что тогда жалуетесь?

— Так дотронуться же больно.

Белый халат всмотрелся в ее лодыжки и забормотал по-латыни. В тарабарщине узнавалось «фасции».

— Спортом занимались?

— Да и сейчас по ветеранам...

— Перегрузки случались? Заболевания? Травмы?

— Ну, как без них...

Она прикрыла глаза.

— Жду тебя, Родина, у выхода со стадиона. Только побыстрее, у меня лекция.

Варька засуетилась. Натянула поверх мокрых шерстяных велотрусов джинсы. Накинула куртку-болонью. Они с Артуром — «индейцем» и «мотоциклистом-спасителем» — прогуляли тогда не только лекцию, но и всю ночь.

Через неделю с перитонитом ее увезла «Скорая помощь».

«Или операция, но тогда не будешь иметь детей. Или новокаиновая блокада. Но придется терпеть. Решай быстрее».

Ребенка она все-таки родила, успев и поколесить по Европе (завесив циновку над диваном разнообразными медалями) и окончить театральный техникум по специальности костюмера. Родила обдуманно, от женатого главрежа известного в Москве театра, маленького человечка с печальными глазами. Все было прекрасно в его спектаклях, только совершенно не слышно актеров далее третьего ряда партера. Метод назывался «правдивым бытовизмом» и оправдал себя значительно позже, когда додумались цеплять артистам микрофончики.

В единственный роддом, где не блуждали, по слухам, стафилококки, они с мамой, Елизаветой Венедиктовной, доехали на первом автобусе. «Скорая погибель» завезла бы в ближайший, зараженный гроздями бактерий. А советские таксисты пуце ГАИ боялись запачкать казенный салон. Поскольку «воды» отошли еще в общественном транспорте, Варе принялись колоть стимуляторы. Но десятки схваток заканчивались ничем.

После десяти вечера заступила новая смена. Ее бодро укатили в операционную и сделала то, о чем она умоляла последние семь часов.

— У вас мальчик.

— Не сомневалась.

На край и без того узкой кушетки присела аккуратненькая картинка-медсестричка. Раскрыла распашонку-анкету.

— Фамилия? Имя? Отчество? Адрес? Семейное положение?.. Ага, не замужем. Будем оставлять ребеночка в роддоме?

Варя не поверила своим ушам. Сестричка утвердительно повторила вопрос.

Новоиспеченная мать рывком приподнялась и от души вмазала красотке кулаком по зубам.

Разразился жуткий скандал. Впрочем, зашивая по новой, хирург смотрел на нее с нескрываемой симпатией.

— Впервые вижу женщину, которая здесь, подобным образом, защищает свою честь и достоинство.

— Каков поп, таков и приход,— загадочно отозвалась усталая Родина.

* * *

В разгар дефолта — на ее театральную зарплату не то что себя с Андрейкой, а и болонку не прокормить — она надумала на время перебраться в деревню. На остатки «призовых» прикупила в Мещере домик с дырявой крышей по цене дров. Все равно еще одну осень строение не выдержало бы.

Подрядила бригаду алкашей. За два ящика разведенного американского спирта «Ройаль». Конвертируемой валютой тогда был стакан. Как рубль. Бутылка считалась десяткой, а ящик сотней. Ну, а спирт делил затрату пополам, не теряя в количестве и крепости.

Мужики содрали остатки рубероида и, бодро сжимая подмышками позвякивающий аванс, удалились. На следующее утро явился один. Поднял с земли доску, зако-

лебался канатоходцем, удерживая равновесие, и рухнул мордой в траву. Покряхтев, привстал на колено и упрямо потянулся к строительному материалу.

Варвара с интересом наблюдала.

На этот раз мужик свалился навзничь и захрапел. Через минуту открыл вполне осмысленный глаз.

— Стакан дашь?

Она покачала головой.

— Зря. Все равно, кроме нас, никого не найдешь.

С трудом Варваре удалось уговорить мелкого, но жилистого Мишку-лесника.

Через несколько дней мужичонка, справно поколачивая, восседал верхом на коньке свеженькой обрешетки. Варвара любовалась его вспотевшей нижней рубахой.

— Рубероид давай, хозяйка!

Она послушно оглядела гору шершавых, асфальтовых по цвету и весу, рулонов. Натужившись, приподняла верхний. Ковыляя, дотащила до основания высокой лестницы. Взгромоздила на вторую ступеньку. Подсела, выжав неудобную ношу, как гриф штанги, переместила ее на грудь и принялась ползти вверх. Закатывала, толкала, кровотока шеей, выжимаясь ногами и задыхаясь.

— Держи.

Мишка, не оборачиваясь, протянул ладонь.

— О, е-е-е! — описав немислимый пируэт, строитель повис головой вниз, зацепившись за конек пяткой и дико вытаращил глаза. На ладони «акробата» мерно раскачивалась будущая крыша.

— Ты че дала?

— Рубероид. Сам просил.

Лесник взвыл:

— Чума! Я кусок просил. Четыре метра. А ты цельный рулон приволокла!

* * *

Холодное солнце спряталось за облаком. Предпоследний приют человека накрыла тень. Варвара Алексеевна с ординатором Людочкой полчаса перетаптывались возле патанатомички. Похрустывали сапожками: врач модными, со шнуровкой до колена, а она войлочными «Прощай молодость», да и то с расстегнутыми молниями, похожими на спадающие ботфорты. «Ладно еще,— подумалось Родиной,— дала на биопсию кусок руки, а не ноги».

Дверь распахнулась, втягивая клуб снежинок.

«Вот и приглашают» — внутренне усмехнулась она.

Патологоанатом в телогрейке поверх халата, насупившись, вручил листок Людочке и захлопнул дверь.

Ординатор пробежала листок глазами бегло, затем вдумчиво. Румянец постепенно сходил с ее щек.

— Подтвердилось.— Людочка смотрела на нее, как собака на умирающего хозяина.— Но можно повторить биопсию. Иногда случаются ошибки. Вообще, я читала, правда, не часто, но выздоравливают... Ну, если у вас столь редкое, одно на два миллиона человек, заболевание, то почему бы именно вам не вытащить выигрышный билет?

Варвара Алексеевна застеснялась участия. «Ситуации делятся на приятные и полезные» — говаривал их тренер. «Приятного здесь, конечно, ничего нет, зато, если распознали болезнь, с ней можно бороться». Родина не привыкла сдаваться.

Но она начала стремительно худеть.

Сначала по двести, потом на триста граммов в день. В коридоре стояли весы и от скуки взвешивались все. Плотная от природы Варвара с детства мечтала о талии-

рюмочке. Но с калорийным рационом сборной разве снизишь мышечную массу? А тайная диета могла ухудшить важные для страны результаты.

— За четыре дня килограмм потеряла,— сообщила она на обходе.— А когда лечение назначат?

— Может весы сломались, Варвара Алексеевна? — проигнорировал вопрос завотделением доцент Геворкян.

Скучать теперь не приходилось. С раннего утра ее крутили-вертели специалисты. Мяли, постукивали, снимали кардиограммы. Делали УЗИ, просвечивали рентгеном. Почтище допинг-контроля брали кровь из пальца и вены на биохимию, сахар и какие-то ферменты.

Утром неумолимые весы показали минус целый килограмм.

Андрей Артурович (она выбрала сыну отчество в память о первой любви и ради спокойствия истинного отца), вернувшись из армии, увлекся компьютерами. Противная его уголок, Варвара Алексеевна наткнулась на диск «Худеющий» по мотивам Стивена Кинга. В нем толстущий мужчина, проклятый цыганкой, ежедневно худел на фунт и очень переживал.

«И здесь переплюнула американцев» — Родина сошла с весов с горьким удовлетворением. Она верила в себя и в удачу. Но щелочка беспокойства расширилась.

* * *

— Слушай, в Испании, кажется, в Болонье...— басила Александра издалека, и звук доходил с опозданием,— ...в мае пройдет ветеранская Европа...

Оленькины близнецы оканчивали консерваторию и она, естественно, квохтала над ними. Зинка после той истории скрылась в Ростове, и, говорят, спилась. А Забалуева стала вдовой. Шибздик скоротечно скончался от туберкулеза. Детей у них не случилось. Поскольку Саша была однолюбкой, то и деваться ей, кроме спорта, выходило больше некуда.

— Болонья, вроде, в Италии,— автоматически поправила Родина.

— Один хрен! Я заявляю нас в «двойке». А ты пока лечись, пусть деньги на бюллетень капаят.

— И сколько должно «накапать» на стартовый взнос?

— Сто семьдесят евро. Да, не жмись, я вдова богатая, мне Коленька клавесины оставил...

«Вот как, оказывается, звали Шибздика,— ворочалась под одеялом Варвара Алексеевна.— Получается, живет-живет с тобой рядом человек, а ты даже ничего о нем толком не знаешь. Взять моего Андрея. Знаю я, о чем он думает, чем дышит? А он про меня? Догадывается о предстоящем?»

У них с одиннадцатилетним Андрейкой была своя целина. С восхода до заката они перетаскивали каменюки, обильно росшие на будущей усадьбе. Согнувшись, прижав к животу, волокли их к палисаднику. Убивали сразу двух зайцев: землю под картошку освобождали и дорогу у дома мостили.

Рыли во дворе пруд в сорокаградусную жару и, переведя дух, запускали туда карасиков. Когда в магазин «забыли» завести продукты — в городах еще крохи выдавали по талонам — Варвара на закате забросила «телевизор» — сетку на квадратной раме с узким горлышком и поутру вытащила девяносто восемь — Андрейка считал — подросших рыбок. Разложили на все имеющиеся сковороды. Хватило на три обеда.

Свеженькие доски для обрешетки? В конторе сладко запели: тес и дрова расписаны местным жителям на два года вперед. Пришлось кланяться шоферу с лесопилки.

В сумерках он свалил во двор два куба. А вскоре заявила его крикливая женщина. «Вы че тут, приезжие, мне мужика спаиваете? Щас милицию вызову!»

До рассвета прятали шестиметровые «двадцатки» на чердак. Варвара корячилась, меняя плечи, под центром доски, а сын придерживал хлопающие концы.

Зимой шишковали: надевали лыжи, брали санки и шли по заснеженной целине в лес. Годились только полновесные еловые шишки. Местные старатели варварски рубили колючие верхушки. Притоптав полянку, наламывали легкую добычу в мешки. А Родины совестились, срывали нижние, свисающие шишки. Поэтому к весне, когда приехал заготовитель из степных краев за семенным материалом, они сдали лишь полтонны, получив по восемь рублей за килограмм. На эти деньги развели кур и кроликов, и два года прожили вполне сносно.

Каждый день Андрейка на лыжах, велосипеде или пешком отправлялся за шесть километров в школу на центральную усадьбу. «Ломоносов ты мой» — вздыхала Варвара и подкладывала сыну кусочек повкусней.

Однажды замела метель. Сбила легкую пыль с сугробов, покрутила поземкой, качнула на пробу тонкие ветки, а затем пошла гнуть вершины вязов. Варвара спохватилась и, прикрываясь от ледяного ветра, заспешила в школу. По дороге и дубы принялись кланяться в полный рост. В пустом классе она нашла голодного сына и двух первоклашек из промежуточной деревни. Их оставили пересидеть непогоду. Тем временем за окнами поуспокоилось. «Возьмемся крепко, мы по краям, а вы, малыши, между нами. Только, чур, рук не отпускать». Отошли с километр. Вдруг потемнело, взвыло, снова забило снегом в глаза. Да еще как! Варвара совершенно ослепла. Она боялась: кто-то оступится. Свались за обочину — и накроет, занесет, лишь к весне найдут. «Вра-гу не сда-ет-ся наш го-о-рдый «Ва-ряг», — запела-заголосила Родина, совершенно не понимая ни что, ни зачем поет, таща за собой детей и глотая тяжело сползающие по щекам слезы-градинки. Андрейка мужественно пытался подпевать, но слова уносило ветром. Песня кончилась. «Все!» — решила Варвара. И тут, на долю секунды, над головой пробилось тусклое солнце. Они стояли возле чьей-то калитки...

«Ты не права, мамочка, — раздался откуда-то издали тихий голос. — Извини, ты дала мне очень многое. Во-первых, жизнь, во-вторых...»

Варвара, к сожалению, не дослушала, ибо снова летела вперед. Лопаста ее весла пропеллером вспенивали синюю итальянскую воду. За спиной весело и отчаянно орала Александра, а синьоры по обе стороны канала кидали вверх разноцветные соломенные шляпы.

* * *

«Хирургия крови». За дверью встретил ряд узких высоких нелюбимых топчанов. Не в пример широкому дивану: развались хоть наискосок, хоть поперек. Она вздохнула. Незнакомая медсестра в зеленом халатике подала руку, и Варвара Алексеевна с опаской взобралась наверх.

— Евгений Михайлович Тареев, чьим именем, собственно, и названа наша Клиника нетрадиционных заболеваний, создал метод пульсотерапии с применением электрофореза более тридцати лет назад, — привычно вещал очкарик-крепыш, поглядывая на длинную пластиковую трубочку. По ней неохотно стекала в прорезиненный мешочек Варварина темная, почти черная, кровь. — Возможно, его вдохновили наши космонавты. Сестра, физраствор!

Крепыш ловко отсоединил мешочек, перевязал горловину и с удовлетворением приклеил на него бумажку с ее фамилией.

— Сейчас мы поместим его в центрифугу и дадим перегрузку больше, чем у космонавта. Если у них она составляет максимум, допустим, тринадцать «жэ», то мы раскрутим до тридцати.

Он отошел к окну, где стояла, похожая на стиральную, большая машина. Врач засунул кровь внутрь и щелкнул тумблером. Агрегат загудел.

— Проснитесь, Родина! — очкарик водил перед ее носом полупрозрачным мешочком.— Видите, ваша кровь расслоилась?

На дне ярко светились красные эритроциты. Наверху колыхалась желтоватая плазма. А посередине отколловшимися республичками извивались разводы, «нитки» и комочки.

— Вот этих вредителей мы и отрежем вместе с плазмой. Потому и называется «хирургия крови». А ваши чудесные эритроциты вернем на место.

— И все?

Врач отвернулся.

— Почти. Добавим еще лекарства.

Три часа она пролежала под капельницей и на ослабевших ногах, поддерживаемая медсестрой, вернулась в палату.

Раз шесть за ночь прибежала Людочка, мерила давление, глядела собачьими глазами, интересовалась самочувствием.

— Дайте поспать,— взмолилась Варвара Алексеевна,— пожалуйста.

* * *

Мама родная, земля тебе пухом! Кого чемпионка не перевидала в палатах! Старушку-дворянку с давлением под триста. Баптистку, очумелую от проповедей...

Ранней весной Варвара Алексеевна присела, сметя варежкой снежок, на лавочку в дворике клиники, радостно шурясь от пронзительной синевы. Рядом ютилась на краешке поникшая, с припухлыми щеками, дама примерно ее возраста. Она, не отрываясь, смотрела в одну точку. Родина проследила ее взгляд. По чахлой прошлогодней травинке, торчащей из корки серого снега, полз рыжий муравьишка. Он почти достиг раскачивающегося кончика. Но вдруг под порывом ветерка слетел вниз. Пошевелил булавочной головкой и вновь, замирая при дуновениях, устремился ввысь.

— Напрасно, дружок,— хрипло промолвила дама.

Варвара Алексеевна взглядела и предположила:

— Вы тоже после пульсотерапии?

Та промолчала. Потом выдавила:

— Каждый квартал. Вот уже седьмой год.

Она отошла на несколько метров, обернулась и обреченно махнула рукой:

— Бесполезно. И не бросишь...

«Подсадили на крючок, на иголку, не ходил бы ты, сынок, в самоволчку!» — звывла Варвара. Конечно, Родина привыкла сражаться с внешними врагами. Соперницами, волнами, невезением, ненастьем, трудностями, лишениями. Но разве можно победить саму себя?

* * *

Мир состоял из ступенек. Заполировано-мраморных в Пенсионном фонде и цементно-ущербных в больнице. Кабриолетно-возвышенных в «Лайнах» и шатко сколоченных у овощного ларька Абрека. Экономно пологих в подъезде «хрущевки» и недостижимых, будто коммунизм, в автобусах и электричках. И совсем заоблачных на стремянке. Впрочем, Андрей привел в дом Пусика, смешливую белобрысую девушку, и высокие хозяйственные хлопоты отпали.

Времени образовалось предостаточно. Утром взор Варвары Алексеевны перебегал по слоям протискивающегося сквозь облака солнца. Днем жмурился из-под жалюзи на огненный шар. А вечером скользил по бело-розовой пастиле заката. И всякий раз, с утра до вечера, он наталкивался на сидящего возле своей драгоценной палатки ветхого Абрека. Его выкатывали в коляске на рассвете. Накрывали ноги пледом или пристраивали над ним зонт. И укатывали за полночь.

Смуглые мальчишки из палатки периодически подносили ему мятые купюры. Тот, жадно слюнявя, пересчитывал их, бережно укладывал в крокодиловое портмоне. И тут же с удовлетворением прятал в нагрудный карман фланелевой рубахи, застегивая молнией.

Между тем, жизнь в увольнениях (от «пульса» до «пульса») сузилась до спальни, коридора, кухни, окна и лавочки у подъезда. Трижды в день она привязывала к палочкам, которые раньше назывались ногами, подходящую погоде обувь и брала поводок. За зиму она похудела на пятнадцать килограммов, но не ощутила долгожданного удовольствия. Болезнь до костей сожрала ее сильные икры и крутые бедра. Поэтому Варвара Алексеевна предпочитала общение с собакой. Та понимающе ждала, пока хозяйка, держась за стенку, дойдет до дверей и нажмет волшебную кнопку кодового замка. Терпеливо провожала до лавочки и только тогда устремлялась проверять личные газоны и послания знакомых дворовых собак.

Бонька появилась у них аккуратно перед деревней. Приятельница вручила ее из дверей электрички. Беленький пушистый клубок, поскуливая, уместился на Варвариной груди.

— Осторожней! У нее там шина на лапке... Я бы оставила, но ты знаешь, у меня колли...

Двери сомкнулись. Поезд умчался, оставив после себя горьковатый запах измены.

— Уж я-то тебя не брошу,— шепнула Варвара псинке в торчащее черное ухо. Другое, белое, безжизненно висело. Сколько они с Андрейкой ни массировали, ни перевели фиксирующих пластырей. Пришлось смириться. Потом даже понравилось. Ни у кого нет такой задорной собаки: одно ухо вверх, другое вниз.

Лет через семь, после закрытия ветеранской Регаты в Анталии, не старые еще байдарочницы в шортиках и топиках возвращались в отель. Варвара, жестикулируя, описывала Забалуевой особенности своей любимицы. Та кивала с высоты своего роста и смеялась.

Собачка оказалась ласковой, кокетливой и невероятно хитрой.

Каждое утро Бонька прибегала к Варварину дивану и вылизывала, что высовывалось, нос или пятку. Если ей хотелось вкусенького, принималась по привычке прихрамывать и жалобно поскуливать. С возрастом придумала новый фокус. Пусик, перед тем, как убежать в институт, непременно кормила ее. Затем вставал Андрей и деловито наполнял опустевшую к тому времени миску. Наконец, очередь доходила до Варвары Алексеевны — ее служба в театре закончилась, а магазины могли подождать. Бонька, свесив голову на бок, печально сидела над блестящей миской и постукивала по ней лапкой. Возмущаясь жестокосердием молодежи, Варвара Алексеевна в третий раз угощала животное. Дело раскрылось, когда хитрюга перестала влезать в ошейник.

Вместе с тем ей с юности нельзя было отказать в отваге.

Поднявшись из подвальчика магазина, Варвара отстегнула Боньку, выпрямилась и ужаснулась. На нее надвигался «двухстворчатый шкаф». Гигантского мужика тянул за собой белый кобель с упругим бойцовским хвостом.

— Не бойтесь,— неожиданно тонко пискнул мужчина,— Сэм не тронет.

В сей же миг пес мигом рванул строгий поводок и взвился в прыжке. Хозяин поскользнулся и, выпустив ремень, опрокинулся навзничь. А Бонька, несравненная Бонька, издав ликующий визг, оттолкнулась тонкими лапками и повисла на шее монстра. Сэм в недоумении, мотая головой, осел на подмороженный асфальт.

* * *

Другой пес, симпатичный «бандит» Черныш, нарисовался в деревне лютой предновогодней ночью.

За ставнями гудели то ли провода, то ли вьюга.

— Не-а, мам, собака воеет,— уверял прилипший к стеклу Андрейка.

— Пойду, гляну.— Варвара с трудом оттянула воротину.

Посреди улицы слегка шевелилось темное существо, на глазах заметаемое снегом.

Она вынесла ему горячих шей, но пес зарычал. Варвара пожала плечами и оставила миску неподалеку от ворот.

Через день Черныш прихромал сам. Как он смог освободить лапу из капкана, никто не знал.

На сей раз хлебосольная хозяйка поставила плошку у самых ворот. Через два дня кастрюлька перекочевала к крыльцу. Затем Варвара распахнула дверь.

— Посмотри на наше житье-бытье..

Черныш легкой трусцой пробежал сени и кухню, заглянул в спальню, где на него зашипела Бонька, и стремглав выскочил во двор. Независимость он ставил на второе место после еды. Или на первое?

По весне Варвара застучала пса на воровстве. С аккуратно зажатым яйцом в зубах Черныш выбирался из курятника. В сердцах стегнула кобеля прутиком. Тот обиженно зыркнул, но не выпустил добычу, а по-пластунски уполз под закрытыми воротами.

Больше со двора ничего не пропадало. Зато он оттягивался на свежевании кроликов! Внутренности и пушистые головы прямо исчезали в бездонной пасти. Он нажрался до такой степени, что его вырвало.

В остальном пес оказался покладистым и компанейским. Скалясь белыми клыками, охотно сопровождал Родину за грибами, малиной, клюквой и отбивал от чужих стай.

На Троицу Варвара купила в сельпо бутылочку «Амаретто», в гордом одиночестве томившуюся на подчищенных полках.

В сумерках зажгла свет на крыльце, вынесла табуретку и поставила на нее фирменный ликер в окружении бутербродов с салом. Присела на ступеньку, задумалась, и тихонько завела: «Что сто-ишь, кача-ясь, то-о-нкая ря-би-на?» Ранняя звезда зажглась на небосводе. Кролики мирно хрумкали в клетках. В углу кашляла крольчиха. Ей была пора окотиться. Варвара пригубила из граненой рюмочки и пошла смотреть. Крольчиха яростно трепала лапой ухо. «Подстилку надо менять» — укорила себя Родина и расслышала странное бульканье.

В освещенном квадрате крыльца на задних лапах восседал Черныш. В передних он зажал бутылку с ликером и, запрокинув голову, щурясь от удовольствия, погусарски глотал миндальный эксклюзив из горла.

— Так ты еще и алкоголик?

Узнав от соседей, что в бытность щенком, местные мужики забавы ради вместо воды частенько наливали ему в блюдце самогон, Варвара сменила гнев на милость.

— Ладно, беспризорник, играй с Бонькой!

«Леди» и «хулиган» подружились. Несмотря на разность воспитания и габаритов. Сметливая сучка с комфортом пережидала под брюхом Черныша, пока хозяйка распекала ее. А мохнатый здоровяк «непонимающе» вилял хвостом.

Случалось и ему исчезнуть на тройку деньков, но он всегда возвращался к обожаемой малышке. Та нарочито принималась кокетничать с соседским кобельком. Черныш закладывал уши на холку, оскаливался, обращал паскудную мелочь в позорное бегство и, гордо выпятив грудь, приближался к ней.

Боня зализывала его бесконечные бонвиванские раны, а Черныш (с его-то аппетитом) никогда не рвался первым за брошенным им куском колбасы.

— Мам, он исправляется.

— Посмотрим, сынок.

Оформив документы по продаже дома, Варвара принялась пристраивать гренадера.

— Он все в доме сожрет,— не соглашался Савельич (продавший когда-то кроликов).

— Сам пропитается на стороне. Ну, когда-нибудь миску похлебки нальете. А он дом сторожить станет. Никого не подпустит. Только на цепь, пожалуйста, не сажайте. Я вам за него гуся оставлю.

Последний довод пересилил.

* * *

Тявкнула и захромала к дверям собака, залился звонок, и Варвара Алексеевна оказалась в крепких объятиях Саши Забалуевой.

— Ну-ка, доньку, повернись!

Родина понурилась.

— Нет, ничего. Я думала — хуже. На какой дозе сидишь?

— До четырех таблеток согнала. Но врачей успокаиваю — до шести.

— Инвалидность?

— Вторая...пожизненно.

— С паршивой овцы хоть шерсти клок. Чаю дашь?

— Рассказывай про Италию! — Варвара Алексеевна в нетерпении подперлась кулачком над блюдцем с клубничным джемом.— Бронза? Серебро? Неужели золото? Сейчас шампанское в морозилку кину!

— Уши от мертвого осла выиграла. Меня по компьютеру с полячкой свели. Она весло из воды тащит, как сгущенку из банки. Покажи лучше свои хоромы.

Они заглянули, сопровождаемые бдительной Бонькой, в комнату Андрея.

— Внуков ждешь? — оценила подруга смесь компьютерных причиндалов и дамских штучек, расставленных повсюду, кроме компьютерного уголка.

— Какое там! — отмахнулась Варвара Алексеевна.— Видишь, тесно.

— Тебе в свое время ничто не мешало... А это что за прелесть? Можно? — Забалуева безошибочно выбрала из строя Пусиных медвежат, зайцев и черепах именно ее куклу.

Перелистывая давнюю дипломную работу по истории костюмов эпохи Людовика XIV, Родина наткнулась на вложенный кусочек парчи. Разглядывая бесконечно переливающийся лоскуток, ей на ум пришла идея. Целую неделю она, разорив запасы, исколов пальцы тончайшей иголкой, вдохновенно расшивала королевский камзол и украшала бархатную шляпу страусиными, выдернутыми из настоящего пера, волосками. Затем на лампочке-болванке принялась за голову из папьемаше. Под чуткими пальцами лицо куклы почему-то все больше начинало походить на Андрея. В результате получился Людовик XIV с лицом сына, подаренный ему же на день рождения.

— Ведь ты талант, Варька,— подруга внимательно рассматривала «короля» со всех сторон.

Та порозовела и от смущения перевела тему.

— Кстати, Саш, я тебе за стартовый взнос должна.— Она направилась в свою комнату.— Я тут наоткладывала с пенсии. Двадцать евро не хватает, но я вышлю...

— ...Мешок шишек! — Забалуева осторожно вернула Людовика-Солнце на место.— Нашего мэра благородство задушило, он всех омских гребцов проспонсировал на перелет и пятизвездочный отель. Так что мне поездка всего в три сотни обошлась. Можешь не заморачиваться... Ты лучше скажи: по фотографии на заказ куклу, похожую на определенного человека сделать можешь?

— Ну, я же не мастер...

— И мастер, и художник, и творец. Уж я-то разбираюсь. На-ка, глянь.— Она достала из записной книжки фотографию мужчины, похожего на Шварценегера.

— Сердечный друг?

— Глупости не городи. Один у меня был, есть и будет — Коленька. Это мэр наш.

У него юбилей намечается, вот я и подумала... Он к нам с добром и мы так же. Между прочим, шанс должок отработать...

* * *

Горячий воск капал в блюдечко с родниковой водой. Грузная баба Маня, наклонив горящую свечку над поверхностью, читала молитвы. Изредка поднимала взлохмаченную голову к расставленным по кухоньке иконкам и истово крестилась.

Приходилось тоже поднимать пальцы ко лбу. Разумеется, Родина была крещеной, но подобного в СССР не афишировали. И, как многие спортсмены — суеверной. Для такого важного мероприятия она отыскала крестильный крестик на потемневшей мельхиоровой цепочке.

«Стыдно из всех молитв помнить только «Отче наш, иже еси на на небеси...» Эх, раньше надо было учиться!».

Мысли испуганно изменили направление.

«А зачем велели принести пятилитровую баклагу? Над сколькими еще блюдами сидеть?»

Воск разливался по центру, принимал замысловатые очертания и застывал. Лепешка толстела.

— Аминь! — к удовольствию бывшей спортсменки поклонилась в пояс баба Маня и табуретка под ней угрожающе закричала. Она аккуратно слила остатки жидкости в бутылку. Завернула восковой слепок (предварительно осенив себя крестным знаменем) в марлечку и закутала в звенящую фольгу от шоколадки.— Чтоб не экранировал,— пояснила знахарка.— Теперь, болезная, слушай внимательно. Станешь пить и умываться водой из бутылки. А в полнолуние выйдешь голой на ближайший перекресток, снимешь фольгу и закопаешь слиток. В нем твой сглаз.

Варвара Алексеевна представила себя на скрещении Ленинградского шоссе с улицей Кирова.

— А в другом месте нельзя?

— Исключено,— отрезала продвинутая баба Маня, но, пожевав губами, смягчилась.

— Ладно, городская, пойдешь к Москва-реке и бросишь по течению.

— Поможет?

— Все будет. Но не все сразу,— загадочно подытожила ведунья.

Полночи Варвара Алексеевна металась по пустынному берегу. Ей мерещились плывущие по реке пароходы и баржи, атлеты на водных лыжах и барахтающиеся на мелководье детишки. Нет, ну, никак не могла Родина скинуть на них свое зло.

«Может, в канализацию?» — разгуливая, перебирала она варианты. Фантазия тут же подкинула ответ в виде сверкающего, но смертельно опасного санузла, которого не спасут никакие «Доместосы».

Под утро, когда полная луна начала таять в белесом рассвете, Варвара Алексеевна оказалась возле небольшого химического заводика. Его многие годы обкладывали штрафами за слив отходов в речку, метко прозванную в народе Нехорошкой. Однако заводское начальство и в ус не дуло. Платить штрафы выгоднее, чем запустить очистную систему. Так и ржавела над мутной водой рядышком пара труб. Из одной выбрасывалась всякая гадость. А вторая не втягивала ничего.

Больше не сомневаясь, она засунула слиток в как раз для этого и предназначенную пустую трубу.

Интересно, что вскоре заводик закрыли. Участок выкупили «новые русские». Быстро все разгребли, перестроили, очистили речку, открыли сауну, миллиардную и бары. Однако новоявленный Пейнтбольный клуб просуществовал ровно до того дня, пока тяжелым шариком с краской случайно не выбило глаз местному авторитету

Ленчику. Приехали, завывая сиренами, крепкие парни в камуфляже и скрутили осиротевших братков. Через год на живописном берегу Хорошки открылся семейный пансионат.

Вот и не верь после этого колдуньям!

* * *

По сокращению дозы, замедлилось и прекратилось худение Варвары Алексеевны. Ее лодыжки в объеме расширились на пять миллиметров. Отек больше не душил. Она поворачивала голову и самостоятельно, закинув рукой ногу на ногу, завязывала шнурки.

— Помните,— наставляла прокуренная Геворкян,— вы перенесли шестнадцать операций. Вам трижды полностью поменяли плазму. Снижение суточного преднизолона должно происходить очень-очень медленно. По четвертинке-восьмушке в месяц. На последней порции в две таблетки остановитесь. При малейшем ухудшении отступайте. Берегите себя.

Родина вяла. В ожидании выписки, предвкушая встречу со Шварценеггером, стащила из ящика дежурного поста острейший глазной скальпель — под столовым ножом крохотные таблетки хаотично крошились. Взамен Варвара Алексеевна оставила пятьдесят рублей.

«Арнольд, так Арнольд!» — решила, не мудрствуя лукаво, новоиспеченная мастерица, разложив слева от себя оставленную Сашей фотографию, а справа остро отточенный тем же скальпелем карандаш с листом бумаги.

Сначала намеревалась изобразить доброго Терминатора — из второй серии — во время явления на Землю. Но спохватилась и обтянула его бедра джинсами. На супермощные плечи накинула кожанку. Глаза прикрыла темными очками. Косясь на фото, добавила индивидуальных черт: ямочку на подбородке, косую морщинку на переносице, родинку над бровью и, подумав, «приковала» обрывком собственной золотой цепочки кейс к мощной руке. Не базуку же носить Терминатору-мэру!

Она отправила хрупкую посылку со стюардессой рейсового самолета и забыла о ней. У экс-чемпионки намечалось более важное событие.

* * *

Свадьба! У Варвары ее никогда не было, и она напросилась на выкуп невесты.

Лимузин, длинный, будто трамвай и элегантный, словно лебедь, подкатил рано утром. Андрей, красивее Алена Делона, галантно усадил Варвару Алексеевну на один из кожаных диванов. Чего только не предусмотрели в салоне! Кондиционер и телевизор, дорожный бар с торчащими импортными горлышками и даже аквариум с золотыми рыбками. Разноцветные лазерные лучи, лаская глаз, бегали по потолку и тонированным стеклам.

Сын, как смог, спел серенаду под одиннадцатым этажом Пусинового места прописки. Подружки невесты, оглушая трещотками и ложками, задавали каверзные загадки и постоянно требовали выкуп. Хорошо, накануне Андрей предусмотрительно наменял пачку десятков. Дружку жениха Денису пришлось ту же. Он отдал три тысячные бумажки и, вспотев, склонился к Варварину уху.

— Больше не взял. А интересно, эти деньги хоть отдадут молодым?

— Не знаю. Должно быть.— Ее тоже смутил размах свадьбы. Накануне она сняла со счета остатки полученной за дом суммы и, немного смущаясь, вручила тонковатый конверт сыну. Теперь у нее не осталось ни рубля. На последнюю инвалидную пенсию она прикупила себе недорогой, песчаного отлива брючный костюмчик.

Разумеется, Варвара Алексеевна всплакнула в ЗАГСе, слезы у нее всегда были

наготове. И потом, когда сын вынес на руках воздушную, словно безе невесту, осторожно осыпаемую Пусиной родней зернами пшеницы и лепестками роз.

Она от души прохромала по брусчатке Красной площади низенькими, но все-таки каблучками. И нафотографировалась под недавно пущенными фонтами возле отстроенного после пожара Манежа, стараясь попасть во второй ряд и в профиль. Затем свадьба устремилась в зарезервированное кафе. На традиционный запуск голубей и вешание семейных замков времени не оставалось. Родина первой выскочила из лимузина — ей предстояло вручать каравай молодым. Мать невесты держала блюдо с медом, а отец бокал с водой. Они не впервые выдавали дочек замуж — Пусик младшая — и благоразумно пропустили гуляние.

Каравай, увенчанный солонкой, оттягивал руки.

— Дайте помощь, Варвара Алексевна,— Денис подставил ладони под блюдо, и она продержалась до перерезывания натянутых перед входом разноцветных лент.

Тамада неустанно предлагала все новые забавы. Вспотевшие новобрачные (то при свечах, то под оркестр) послушно целовались, а друзья резво зарабатывали плюшевых мишек и зайчиков.

— А сейчас,— провозгласила усердная «заводила» в пестром переливающемся сарафане,— каждый может кое-что положить вот сюда. Она торжественно потрясла перед гостями голубым и розовым ползунками. Все полезли за кошельками, а Варвара Алексевна вышла в дворик.

Распустив хвост веером и скребя им раскаленный асфальт, молодой голубь, гукая, обольщал избранницу. Поодаль их сопровождала, по-видимому, старая голубица. Слишком уж рьяно наблюдала за происходящим. Родина вздохнула и полезла за сигаретами.

На следующий день молодые уехали в свадебное путешествие, оставив мать присматривать за дряхлой Бонькой.

* * *

На стол веером высыпались фотографии неизвестных людей, переложенные восемью сто долларными купюрами. Столько деньжищ Варвара не видала со времен сборной.

«...Твой гонорар за вычетом взноса и расходов по пересылке,— писала Александра в приложенной записке.— Мэру очень понравился Терминатор. Он решил заказать тебе для нашего краеведческого музея знаменитых омичей: капитана речного пароходства, знатного шахтера, оперного певца... Сама разберешь по фото. Чуть не забыла, как всегда. Шеф предупредил: поскольку заказ оптовый, за каждую портретную куклу его вассала получишь лишь по 500 \$. Сечешь фишку? Не ровня холоп барину!.. Думаю, забавы тебе хватит надолго. Крепи здоровье! Целую Андрюсика, Пусика и Бонюсика. Твоя неугомонная Александра».

Покупки едва уместились на столешнице. Там оказалось почти все, чего жаждала Варварина душа. Муфельная печь так и рвалась из стискивающей ее пестрой импортной коробки. Пирамидки брикетов разного пластика пересыпались множеством необходимых инструментиков. Причудливыми мотками проволоки. Шевелящимися, будто живыми, свитками наждачной бумаги. Разноцветными коробочками с бусинами, скрепками, пудрой, щипчиками. Душистыми пузырьками с лаком. Сверкающими рулончиками фольги. Акриловыми красками на любой вкус... Центр роскошной барачки запыхавшийся Андрей прикрыл вафельным тортиком «Причуда».

— Можно обмывать покупки.

Варвара Алексевна задумчиво покачала на ладони один из тяжеленьких брикетов с надписью «*Fimo*».

— Надо же! Представь, знакомые спросят: «Чем занимаешься?» А я отвечу с присущей скромностью: «Фимичу помаленьку».

* * *

Покойная Елизавета Венедиктовна, изрядная мастерица выпечки, видно передала дочери талант по наследству. У Варвары Алексеевны не случилось брака. Томная балерина, как положено, светилась фарфоровой белизной, щеки шахтера оттенялись полоской антрацитового дыма, а доярка получилась, что называется «кровь с молоком». Краски филигранно ложились на ровные обжиги.

Когда кукла бралась диктовать, Родина, закрывшись на замок, принималась вполголоса с ней спорить или соглашаться, возражать или спрашивать совета, приводить доводы или отчитывать.

Вглядываясь в фотографии и никогда не следуя им буквально, она пыталась понять характер своего героя и подметить в нем «изюминку». Не будучи профессионалом, смело экспериментировала с пропорциями. Например, поднятая в замахе фуэте правая нога балерины была заметно длиннее. Но это лишь рождало предвкушение будущего стремительного круговращения.

Бонька обычно сворачивалась калачиком в ногах. Пригнувшись, Варвара рассматривала ее все с большей печалью. Она и не заметила, как пластилин в ее пальцах начал принимать форму любимицы.

Спустя месяц она выставила на всероссийском салоне композицию «Барышня и Хулиган». Несравненный Черныш по-прежнему горделиво выпячивал грудь, а юная кокетка Боня лукаво улыбалась из-под его брюха. Жюри присудило ей первую премию.

* * *

Жало скальпеля нацелилось прямо в сердце. Варвара решительно набрала полную грудь воздуха и взметнула смертоносную сталь...

— Не надо, мама! — крепкие руки Андрея обхватили ее со спины, пытались вырвать оружие. — Ты не старая еще! Выздоровеешь! Найдешь свое счастье, красавица, солнышко, не надо...

Варвара вырвалась, крутанулась в кресле и недоуменно подняла ясные изумрудные глаза.

— Что ты, сынок, я примериваюсь — позу уточняю.

Андрей не часто навещал мастерскую. Не обращал внимания на прикрытую легкой тканью возвышенность на столе. То, что сейчас открылось его взору, вызвало к осмыслению.

Байдарка неистово рвалась к победе. Еще летели в глаза спортсменкам потревоженные ими брызги — бисеринки на тончайших проволочках — и шелковая кильватерная струя, трепеща, убегала к старту.

Загребная, крепенькая, словно мячик для гольфа, скорчилась на носу лодки, в безысходном отчаянии обхватив голову руками с зажатым обломком весла. Зеленоглазая девушка за ней, с искаженным лицом замерла в яростном замахе. Далее взметнулось холодное пламя белоснежной гривы, напоминающей петербургские майские ночи. Замыкала четверку, высясь скалой, суровая Афина-воительница.

Такого мощного сплава горя, негибкости, красоты и силы он еще не встречал.

— Как думаешь... — сглотнул комок в горле Андрей, — назвать эту оптимистическую трагедию?

Варвара неспешно вернула импровизированное весло-скальпель на блюдечко с одинокой таблеткой — собиралась сегодня отделить крошку. Губы, пробуя, дрогнули, и впервые за последние годы она одарила сына своей неподражаемой, неувядаемой улыбкой.

— Я назову ее «Вперед, Родина!»

Алексей Яшин

(г. Тула)

**СТРАНА ХОЛОДА
(ДЕТСТВО В ГИПЕРБОРЕЯХ)**

(Главы из повести*)

УТРО БЕЗ РАССВЕТА

Николка проснулся так же мгновенно, как и заснул накануне. Уже прошлым летом он умел четко отличать сон от дневной яви и даже еще раньше, когда мартовская оттепель только-только заменила собой долгие февральские метели — но тогда все же он путался... Только хорошо помнил, как после прошлогодней оттепели над их островом долго-долго носились ветры, море штормило, небо не прояснялось. А затем на весь их мир пали бесконечные туманы, нескончаемые и тоскливые даже для малых детей. Наконец и солнышко стало проныривать в разрывы облаков, уже не зимних, свинцовых, но высоких, не сплошных, к полудню скручивавшихся в барашки, неровно плывущие по синему небу. «Вот и май наступил, а тебе, Николка, через неделю пять лет исполнится», — сказала мать.

Сейчас-то он уже мог словами объяснить и метели с оттепелями, свертывание серого неба в веселые облака-барашки... Но год с лишком назад Николка все это понимал не словами, но как-то по-другому. А когда взрослые, мать, отец, брат Толька, говорили про те же метели, оттепели, облака, то все эти слова по отдельности Николка хорошо понимал, но они пролетали мимо, ничего для него не значили в связи с тем, что творилось за стенами дома.

— Ты, Николка, — говорила тогда мать, добро улыбаясь, — тугодумом растешь. Я-то вот себя сызмальства, с трех лет помню, а тебе вот пять только что исполнилось, а ты как в тумане еще! Смотри, кто в жизни-то тугодумом растет, того сверстники обгонят и всегда поперед тебя будут скакать, а ты за телегой плестись будешь, и то, если вицей** тебя погонять будут.

Сидевший за столом большой комнаты, она же спальня Николки, Тольки и Славки, и заряжавший порохом и дробью латунные патроны для ижевской двустволки отец хмыкнул:

— А куда торопиться? Самое дело время до школы оттягивать сколько можно. Потом-то жизнь быстро полетит, если только войны навряде давешней не выпадет ему; вот где все медленнее угольной баржи тянется! Потом и ты архангельская, не чухонка, что ваши соседи, и я *калуцкий* из староверов-поповцев, не полутатарской, стало быть, крови, не лопарь тутошний, как Седалин, а значит, оба мы и Николка полные русаки. Был вот умный немец, канцлер Бисмарк, еще до империалистической, так сказал, что русские долго лошадь в телегу запрягают, зато потом быстро скачут.

* Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова: Петровская академия наук и искусств. Независимое литературное агентство «Московский Парнас». — М.: «Московский Парнас», 2009. — 351 с. (Библиотека журнала «Приоские зори»).

** Прут — в смысле розга (северн., архангельск.). — Прим. авт.

— Ужо время-то покажет. Больно баско * этот Высморк говорит.

...Эти слова отца и матери Николка запомнил, особенно про грядущую школу, которой его иногда пугали старшие братья: Толька и Юрка, которого взрослые маячники звали Жоркой; настоящее же его имя значилось как Георгий. И еще его занимал таинственный фриц, явно недобитый фашист Бисмарк. Может потому, что сразу вспоминал свои зимние насморки?

А вот сейчас, этим утром он не только ясно отделял сон от яви, но и словесно понимал: себя и все округ он осознанно помнит с неполных пяти лет. Это его нисколечко не огорчало. Да и мать, как он уже подспудно понимал, сожалела о беспамятстве больше для разговора: с кем еще в доме поговорить по-бабьи, часами? Отец молчалив, когда не на вахте на маяке, то читает или мужскими хлопотами занят: баню топят, патроны заряжает и на охоту ходит... да мало ли дел у маячника в доме и за его порогом? Юрка и Толька уже в подростки вышли, да кроме лета все время в городе, в школе, в интернате при ней. Толька и на невеликом острове умудряется куда-то исчезать летом на весь день, а Юрке-Георгию этой весной шестнадцать исполнилось: выправил себе в Полярном паспорт и, не доучившись, решил бросить школу и поступать в Мурманскую среднюю мореходку, а если не получится, то пойти матросом в тралфлот. Пока же до конца лета уехал на родину матери — близ Плесеца Архангельской области — проведать бабу Татьяну, совсем уж плохой ставшую. И с чего бы? — Еще и семидесяти не исполнилось. «Должно быть болезнь какая пристала,— сокрушалась мать,— ведь восемь лет ее не видала с этим Севером проклятушим: с маяка да на маяк перебираемся, вот и Седловатый уже четвертый, да дети один за другим рождаются...».

Николка проснулся, как и не засыпал: он уже и это понимал — особенность сна в двухмесячный полярный день. Хотя только десять дней, как вернулись всей семьей из отпуска, проведя почти два месяца на отцовской уже родине, в калужской деревне, где день и ночь нормальные, как и здесь по весне и по осени. А зимой все наоборот: одна бесконечная ночь; здесь тоже нет заката и рассвета, границы между сном и бодрствованием условны, но если летом в сон проваливаешься от усталости, то зимой весь условный «день» клонит ко сну; но засыпаешь долго и с трудом, нагоняя на себя эту необходимую усталость. Чудно устроен здешний мир! Раньше Николка может быть и не задумывался об этом. Наверное, ибо сам себя не помнит. А вот этим годом, прожив два месяца в калужской деревне, на Большой земле, как говорят маячники, он уже имеет с чем сравнивать. И еще стал понимать: во всяком деле все надо с чем-то сравнивать, а если не с чем сопоставить, то принимай как есть. Кто-то живет, как Николка, на острове, другой — на полуострове Рыбачьем, который с их Седловатого не углядишь даже с высокой башни маяка-сирены, но который не так уж и далеко, как говорит отец... А сколько людей на Большой земле? — Ужас прямо; Николка научился недавно считать до ста, но там их явно больше ста.

И еще он стал замечать: когда проснешься — летом ли, зимой, или в промежутке между ними,— то как бы два мальчика в тебе сидят. Один, бодрый и беспричинно всем на свете довольный, рвется соскочить с койки, перебежать комнату и через открытую уже настежь дверь оказаться на кухне, откуда явственно доносится могучий дух скоропелых шанег со свежей засахаренной морошкой — теста для них осталось со вчерашнего дня, когда мать ставила хлеб с запасом на две недели. Но выпечной аромат явно перешибала яичница с салом; даром что из яичного порошка, разболтанного в молоке — опять же из порошка. «Где родился, там и пригодился», — смеялся отец, когда Николка в деревне с неохотой ел яишню из настоящих куриных яиц, а в те два дня, что он сам-двое с отцом провел в гостях у его тетки в Калуге, из гусиных (семейство тетки

* Красиво, гладко (то же самое).— Прим. авт.

проживало на самой окраине около речки Яченки), сравнивая ее явно в пользу привычной, порошковой. Дескать, к чему привык, то и вкусным кажется.

Это первый, дневной Николка стремился к кухонному столу. А вот второй, только что в видениях своих рассекавший зеркальную гладь залитой солнцем реки Угры в отцовской деревне — а на самом деле только-только научившийся барахтаться «пособачьему» на мелководье — все вертелся и вертелся в койке, кутаясь в одеяло, даже стараясь, закрыв глаза, вдругорядь вернуться в столь занимательный сон-утеху. Увы, первый Николка потрепал второго, согнал с него сонную лень и стал полновластным властелином. Он спустил ноги, далеко не достающие до поля, глянул вправо-влево: все три кровати стояли в ряд у широкой стены большой комнаты: Николка посредине, справа — Толькина, слева, почти вплитык к косяку двери, ведущей в уличный тамбур, — Славкина.

Ни тринадцатилетнего Тольки, ни трехлетнего карапуза Славки не значилось. Окно в комнате — напротив входной двери — выходило, как уже знал он от взрослых и Тольки, на южную сторону, солнца из него не видно, но комната залита светом, а со стороны кухни не чуетя табачный запах: значит, отец уже ушел на маяк, стало быть и утро уже не раннее. А если летом утро без рассвета, то угадывать его можно только по яркости света из окна, табачному дыму или его отсутствию, съедобных запахов с кухни. По часам Николка ориентироваться еще не умел, но не обозначенное числами время уже хорошо отличал — вот как раз по сложному сочетанию домашних действий. Даже не задумываясь.

Кстати, и отец, и Толька пробовали учить его узнавать время по часам, но из этого ничего не получилось: во-первых, принайтованные в комнате над столом, чуть слева от окна, часы, размером побольше миски, с хромированным ободом, под толстым стеклом, были с двадцатичетырехчасовым корабельным циферблатом — как пояснял отец, то есть казенные, положенные по уставу в маячных домах. «Это потому, — говорил отец, — что в морской службе нет дня и ночи, утра и вечера, а есть сутки, а в них четыре восьмичасовые вахты, две полусуточные или одна суточная. Есть еще склянки внутри вахты...» Так что говорить о Николке, если даже мать и востроглазый Толька, определяя время, особенно после полудня, что-то в уме вычисляли. Во-вторых же Николка умел считать предметы до ста, но цифр, кроме нескольких, не ведал. «Пойдешь в школу, в интернат, так там тебе все растолкуют, — приговаривала мать, когда он просил научить его цифрам, — раньше своего времени и цыпленок не закудахчет, и телок не замычит».

Видно мать утреннюю готовку закончила, вышла с кухни с ведром, направляясь через большую комнату к уличной двери: выплеснуть в яму, что выкопала в промежутке между домом и баней.

— Рано не рано, а уже десятый час. Так Толька-то с середины ночи ушел на Меловую бухту к утреннему отливу с острой камбалу ловить. Вчерась-то много я тес-та стоговила, вот и шаньги испекла, и еще осталось, а отец велел к вечеру, как с мая-ка придет, рыбак с камбалой запечь. Вот Толька и отправился; должен уже скоро и заявиться.

— А Славка? Иль с ним уплелся?

— Мал он еще рыбачить-то. Ему счас баско на даровое, как бы виноградом с разнофруктами у Гусаровых не объелся, еще животом замается.

— Какой виноград, — выпучил Николка глаза, даже подумал, что он все же еще не проснулся, сон продолжается причудливый.

— А такой вот. Ночью катер к пирсу причалил, по мегафону вытребовали начальника маяка. Федоров прибежал и почту получил, а потом слышу — проснулась от голосов — он уже в тот же мегафон кликает обоих Гусаровых. А потом, как на улицу-то вышла, видала: Паша с Веркой гуськом от пирса к себе идут. Он-то сам две посылки

большие несет, а она — одну. С полчаса же назад Вера к нам приходила, принесла в миске виноград, пару персиков и абрикосов еще; вон-ось они на столе в кухне, иди ешь, я все помыла.— И рассказала, что катер пинровский* шел из Полярного к себе. Они на почте днем все свое получали, а там упросили к нам на Седловатый завезти скоропортящиеся посылки из Ташкента — Гусаровым от тамошней родни. Почтарши и все скопившиеся письма нашим маячным, и газеты Федорову с Трофимом заодно им всучили. И нам Вера по-соседски два письма занесла: одно из Калуги, другое — от Юрки. Вот отец придет — будем читать; одна боюсь — вдруг что нехорошее...

— А чего Славка-то?

— Так к себе Вера-то увела, чтобы вволю фруктов поел. Они ведь без детей живут; она и говорит: вот накопим денег на дом, вернемся в свой Ташкент, так начну через два года на третий рожать. Скучают оба по мальчикам-то, хоть на Славку посмотрят в доме, порадуются. И в отпуск из экономии не ездят.

...Может Гусаровы и нарадоваться не могли на сопливого Славку, но вот он-то, Николка, истинно был рад такому началу дня без рассвета: как с куста свалились виноград и персики!

ВЕЛИКИЙ ОСТРОВ СЕДЛОВАТЫЙ

Николка не помнил, как они перебрались с маяка Палагубского на Седловатый: ему тогда еще не было пяти лет — начала осмысленного памяствия. Но осталось первоначальное удивление новому жилищу. На Палагубском, материковом маяке близ Полярного, они занимали две небольшие смежные комнатки в общем маячном доме, а здесь — отдельный дом, да еще с обоих торцов — сарай и баня. Целое хозяйство, как посмеивались отец с матерью. Да и дом-то какой! — По длине поделенный перегородками с дверьми на три кубрика, как называл отец по-флотски: большая комната, где ребят поселили с их койками, опять же уставленными отцом по корабельному порядку строем вдоль торцевой стены; слева — входная с улицы дверь, да двойная для тепла, с квадратным тамбуром; справа — окно и стол. По летнему времени все три окна дома с выставленными и снесенными в сарай обеими внутренними рамами; только внешние оставлены. Прямо напротив Николкиной койки в противоположной стене-перегородке — дверь на кухню, а чуть левее двери — русская печка боковиной в комнату выходит, а у самой стены — лежанка, приступок печи, самое фартовое спальное место зимой. По праву старшинства его раньше занимал Юрка, правда, только на зимних каникулах. В следующую же зиму все две недели каникул там будет блаженствовать Толька. А вообще-то до наступления школьной учебы в Полярном и в прошлую зиму, и в грядущую — это Николкино лежбище, если только отец его не занимает в позднюю осень, в мартовскую оттепель и в раннюю весну, когда его мучает обостряющийся ревматизм, заработанный, наряду с залеченным наскоро в полярнинском госпитале язвой и туберкулезом, за четыре года войны.

Кухня по ширине одинакова, конечно, с большой комнатой, но по длине дома вдвое меньше, да чуть не половину занимает печь; у правой стенки — кухонный, он же обеденный, стол, а в левой, не занятой печью,— окно. В другой кухонной стенке-перегородке — дверь в родительскую комнату, где справа — третье и последнее в доме окно, а слева во всю длину комнаты перегородка с дверью, ведущей в маленькую кладовку. Здесь также все расставлено вдоль стен: родительская кровать с блестящими спинками из круглых изогнутых железок, шкаф, этажерка с книгами и люлька с Серезжкой, которому к осени исполнится годик.

* То есть принадлежащий ПИНРО — Полярному институту рыболовства и океанологии; расположен на острове Кильдине.— Прим. авт.

После недавней поездки в отпуск в отцову родную деревню Николка спросил у матери, дескать, почему наш дом и изба тетки Насти, отцовой сестры, такие разные: у нас дом длинный, печка посредине, а в деревне одна большая комната с трех окнами, в одном углу такая же печь и неотгороженный закут кухни, из которого дверь ведет в сенцы.

— А это в деревнях так принято,— отвечала мать,— комната одна, чтобы тепло от печи ее грело, а в сенцах зимой холодно, но теплее, чем на улице. У нас же печь посредине дома, тепло в обе комнаты идет, да окна с тройными рамами его держат. Это же Север!

...Николка, с которого после слов матери о приходе Гусаровой мигом слетели всякие размышления о сне и яви, для приличия поплескался у рукомойника на кухне и уместился за столом. Честно съел свою половину винограда, оставив вторую Тольке, затем яичницу-омлет, а пару маленьких шанег запил чаем. Чаем сразу на несколько месяцев запасались в Полярном, причем отец признавал только китайский, очень вкусный, особенно если к чаю мать наливала блюдце сгущенки. Свой же законный персик и пару шанег, сложенных ягодными верхами друг к другу, Николка незаметно от матери утащил в большую комнату: с собой на улицу взять. Выходить летом из дома без чего-либо съестного — это все одно, что босиком выскочить на улицу зимой! Дел-то сколько надо переделать? И всех циферок на суточных часах не хватит... если бы в конце концов в начале условной ночи непобедимо в сон не потянет. Не то что обед, а и ужин дома Николку может не дожидаться! Остров-то такой великий, что если дело требует твоего присутствия за Вороничной сопкой, на Южном мысе, самой удаленной от дома точке Седловатого, то голос матери, дескать, где вас, ироды, носит, полсуток уж близко к дому не подходили, ужо вицей отстегаю — марш обедать! Или ужинать — смотря по времени.— Так и то этот голос можно услышать, если на острое или на воде вокруг полная тишина. Но откуда ей взяться, тишине-то? Беспредельно на горке, на северной оконечности Седловатого, где громадина маяка-сирены и Большой маячный дом, запускают дизеля, все перебирают, ремонтируют, готовят к долгой трудовой поре — от первых осенних туманов на море до весенних штормов, да все ночи оба дизеля поочередно в работе стукотной.

А если и они сейчас, летом-то, замолкают к вечеру, либо днем на час-другой, что время обеда, то еще громче дизельной стукотни с моря заглушающие дальний голос матери звуки-шумы: то торговые суда и рыболовецкие сейнеры, идущие в Мурманск и от него на выход в море, подолгу гудят басами, не хуже осипшего в зимний мороз начальника маяка Федорова, разминаясь на встречных галсах. Николка уже хорошо понимает: это для него Кольский залив немереной ширины, а для судов, не говоря уже о военных кораблях, крейсерах тем более, даже в тихую, ясную погоду требует осторожности и маневров, как казенными словами поясняет отец, приучая Николку к флотской точности в словах.

Но суда и корабли посигналят, да разойдутся и замолчат. Тут бы матери, воспользовавшись нечаянной тишиной, и напомнить про иродов, еретиков и остывающие щи, но не везет ей: только перестал вопить противным механическим взвизгом большой пароход с чудным флагом на надрубочной мачте — половина красная, а вторая — белая,— как со стороны Полярного, слева обогнув остров Большой Олений, курсом на правую обочину их Седловатого быстрым ходом выскочили сразу три подлодки: одна «щука» и две новенькие, округлые, размером поменьше. А в пяти кабельтовых от острова, забирая все вправо, но совсем рядом с берегом Седловатого, ход замедлили до черепашьего и прегромко застучали, забухали. Даже гранит острова под ногами дрожит, а зеркало залива мелкой рябью покрылось.

«Это, Николка, они дизеля опробовали и на полную мощность врубили. Но энергию не на гребные винты отдают, а на зарядку аккумуляторов»,— пояснял отец.

Дальше Николка и сам уже хорошо знал: выйдут подложки из залива в Баренцево море, обогнут полуостров Рыбачий, свернут влево и на траверсе Норвегии заглушат дизеля, уйдут под воду и дальше ходко на аккумуляторах двинутся, куда им ихний адмирал в Полярном указал.

...И так круглые сутки; на море для кораблей нет дней и ночей, утра и вечера — ни для гражданских судов, ни для военных кораблей.

Вот для чего маячному пацану, выбегающему летним утром из дома, непременно следует захватить пару-тройку шанег или пирожков с начинкой — что бог послал, либо же пару кусков черного хлеба, а между ними — прослойка из тонкого порезанного шпика или пласта вяленой трески. Не помешает вдобавку пяток печенюшек либо флотских галет. В чем все это богатство до полудня держать — не вопрос: маячная пацановская одежда с толком подобрана. Лето — не зима, но и не калужская деревня с дневным солнцепеком и ночной духотой, если ввечеру дождь с грозой не случился. Одним словом — днем здесь приятное тепло от нагретых солнцем скал струится, а в светлое ночное время скалы поостынут, и с моря зябкостью тянет. Переодеваться по два-три раза не с руки, раз и пообедать недосуг домой забежать, поэтому, как любит повторять отец, матрос меняет форму одежды только четыре раза в год — по сезону, а не переодевается, как граф, к завтраку, обеду и ужину.

— А солдат?

Отец снисходительно хмыкнул и добавил в том смысле, что «он в пехотах не служил», тамошних нравов не знает, но вроде как и у них что-то похожее. А Николка и сам уже знал, что так: в кино, что раз в месяц, если море не штормит, на маяк привозят, да и в отцовой деревне летом вволю в клубе насмотрелся, солдаты летом маршируют по пыльным дорогам в гимнастерках с неуставно расстегнутыми верхними пуговицами, а через плечо и наискось по груди у них шинельные скатки. Значит, форма одежды на любые причуды даже летней погоды.

Скатка не скатка, но фуфайка, что по-казенному называется телогрейкой, а еще стеганкой, самого малого размера, что нашлась на маячном складе, да еще мать полы и рукава подрезала основательно и пуговицы перешила на зауженье, всегда на плечах поверх сагиновой рубахи, а под ней и майки. А шаровары из чертовой кожи, на резинках и шитая округлыми узорами тюбетейка — по наследству от Тольки, с прошлого года щеголяющего в модной кепке-восьмиклинке с пуговкой, завершают наряд, форму номер три по-флотски. В карманы же фуфайки и полпуда еды можно положить...

Вот с обувкой прошлым же летом произошла у маячных пацанов полная революция, как назвал это событие Толька. А случилось вот что. До той поры Николка, как и Толька с Юркой, седалинские Васька с Танькой, федоровские Витька с малолетней Настеной, по осени и весне шлындали в сапогах, в основном резиновых. Только Юрка и Васька, имевшие ноги покрупнее, щеголяли в кирзачах; меньших размеров в полярнинском магазине не имелось. А летом переобувались во что полегче; Николка носил явно девчачьи боты с пуговичной защелкой.

Конечно, имелись у него и ботинки, но в них разве что в отпуск ездить, а здесь только хорошо по дому форсить да вокруг него круги нарезать. А так — и на пологую сопку не заберешься, а к крутому берегу-обрыву и близко не подходи: как на лыжах съедешь в воду. И кирдык, как говорит Гусаров на ташкентском языке. Опять же и дня их не поносишь, как всю кожу поверху изрежешь гранитным щербнем. Остаются позорные боты, а если стремно, то парься в резиновых сапогах.

...Да, Паша Гусаров прошлым летом — а сами они с Верой приехали на маяк зимой того же года — точно совершил революцию и окончательно разрешил злободневный вечно вопрос о ребячьей летней обувке.

Всему причиной в начале прошлого лета оказались чаячьи яйца. Это для Николки и его сверстников, выросших на маяках, лучшей яичницы, чем из порошка нет на

свете. А взрослые-то, кроме Седалина, выросли в иных, теплых местах, как, например, отец близ реки Угры в своей деревне Дворцы, где в каждом дворе по два-три десятка кур квохчут и яйца каждый день несут. Вот почему в самом конце мая — начале июня, когда чайки уже снесли яйца, но насидеть их не успели еще, маячники снаряжаются за ними. Дело это опасное, поэтому не только Николке, но и Юрке с Толькой даже мечтать об участии в экспедиции не приходится.

Но и чайки не дуры и свои яйца, размером с гусиные, но только в крапинку, на их Седловатом, где нет высоких утесов и имеются люди, они не кладут, а выбирают для этого дела маленькие скалистые островки, разумеется, безлюдные. И вообще без какой-либо живности. Прошлым летом Николка был еще слабодумом, поэтому спрашивал у отца и Тольки: чайки от людей прячутся на скалах да на островках? Обстоятельно разъяснил отец:

— Чайки яйца несли и высиживали еще за миллионы лет до появления человека. Но и кроме него много охотников за яйцами: песцы, росомахи. Выдры и те из воды на берег выбираются для такой охоты. Только тюленям несподручно далеко от берега на сушу удаляться. Поэтому-то чайки и выбирают, опасения ради, для гнездования островки, где никакой дичи нет. А с человеком они в этих местах познакомились всего лишь лет тридцать назад, но уже успели во враги зачислить.

Так вот, собрались прошлым ранним летом, еще никто из маячников в отпуск не уезжал, на большой моторке, на которой в тихую погоду в Полярный ходили, по яйца чаячи на ближний необитаемый островок Медвежий, что в три раза меньше их Седловатого. Хотели были чуть подальше, на большой остров Зеленый, да Федоров засомневался: мол, там уже из поселка в Сайда-губе, что при рыбзаводе, мужики все гнезда разорили.

Договорились — потом отец дома со смехом рассказывал — с утра собраться у пирса в Языковой бухте, да каждому не забыть по длинной палке, чтобы от разъяренных чаек отбиваться, захватить. Федоров же ракетницу возьмет на случай, если птицы совсем оборзуют и всей стаей вздумают нападать.

— И вот,— рассказывал отец вечером того же дня поездки, с аппетитом поедая с большой сковороды чаячью яичницу с салом,— собрались и ждем Пашку Гусарова; не кричим его, видно, идет от дома. Подошел — и мы все в хохот: штаны заправлены в шерстяные носки чуть не до колен длиной, а на ногах обыкновенные галоши, только с двумя дырками на заднике, а через них продернута бельевая веревка, заплетенная на голяшке. Словом, лапти да и только. Трофим смеется: «Ну-у, Паша, тебе бы в кино сниматься про войну с гоминдановцами.— Прямо боец Народно-освободительной армии Китая образца сорок восьмого года».

А Пашка-то не понимает в чем дело, но дошло: «Про галоши что ли? Так у нас дехкане в пригородных районах только так и ходят. Удобнее обувки не придумаешь: ноги не потеют, вес легкий и по любой крутизне не поскользнешься. А у таджиков и афганов так и вообще основная обувь. У Верки тетка в республиканском потребсоюзе работает счетоводшей, так говорит: половина всех галошных фабрик в Союзе на Афганистан и других зарубежных азиатов работают. В Европе они из моды вышли, разучились там галоши лить, только у нас их производство и осталось».

Мать с Юркой и Толькой было рассмеялись, но отец уже серьезно продолжал:

— ...А прав Гусаров-то. Мне вот Жора Асатурьян, с которым на Торосе в войну служил, тоже говорил: у них в Армении по горам в чувяках галошных ходят, надевают на шерстяные носки или на онучи и веревкой оплетают. Лучше самого народа в таких делах житейских никто не придумает! Хватит ребятам летом париться в резиновых сапогах и ботах; как моторка в Полярный пойдет, так купи на всех галош, а носков шерстяных ты им за зиму по три пары связала.

И вот Николка уже второе лето, выходя из дома на вольный промысел, заправля-

ет свои шаровары в длинные серые шерстяные носки, ступни вставляет в галоши с ярко-малиновым ворсистым нутром и заплетает концы тонкой бечевки, протернутой через два отверстия, на пятке, крест-накрест до середины икр ног. Хорошо! И тяжести никакой не чувствуешь, ногам не жарко и не холодно, а как ловко в таких чоботах на самые крутые скалы взбираться!

Только снаряжился Николка и шагнул к двери, как загудел зуммер телефона, что висел на кухне над обеденным столом; мать — видно ему было через открытую кухонную дверь — сняла с рычага трубку. На всякий случай притормозил, любопытствуя: чего это отец с маяка позвонил с утра, сам недавно из дома выйдя? И не напрасно:

— Колька! Отец говорит, что седни Седалину корову привезут.

Мать рассмеялась, и за ней, скорее за компанию, и Николка. Вот новость так новость, всем новостям новость! Таких событий на его короткой памяти еще не было.

К телефону в доме уже все привыкли, хотя появился он только в начале прошлой осени. Впрочем, для Николки нововведение явилось скорее нежелательным: теперь, если ты находишься на горке, то есть в маячной северной оконечности острова, то мать запросто его обнаружит: позвонит отцу на маяк, либо Глафире, жене Седалина, а то и Федоровской Клавке — и мигом засекут и передадут приказ о явке домой. А приказы на острове, территории военно-морской, даже пацаны не обсуждают. Так приучены.

Но даже и с телефоном все же велик остров Седловатый... ох, велик!

ТЕЛЕФОН НА ОСТРОВЕ И ЧЕРНОМУНДИРНЫЙ ПОДПОЛКОВНИК ШУЛЕЙКО

Великий-то великий, но такой неопределенной мерой Николка только в прошлом году удовлетворялся. Сейчас же, подросши и поумнев, какой-никакой счет до ста освоив, хотелось поконкретнее знать размеры острова. А в прошедшей только что отпускной поездке и вовсе в конфуз перед деревенскими ребятами попал: спрашивают его об острове, а каких, мол, он размеров? Николка же только руками разводит, даже не может на прямой вопрос ответить: больше деревни Дворцы или меньше?

Начал спрашивать всезнающих взрослых, но от отца ответа не получил: не вовремя обратился, не в духе тот был, видно, мать опять щи сварила не по-отцовски, то есть чтобы капуста не разварена, мясо ровными кубиками, а в даже до краев налитой тарелке хорошо просматривалось бы ее дно — никакой мутности.

Сосед Гусаров, хотя и окончил в Ташкенте, как он сам рекомендовался, гидрометеотехникум, пожал плечами: дескать, еще не промерил весь остров ногами. Решился к самому Федорову обратиться. Тот подозрительно прищурил глаза:

— Э-та тебе зачем? Я вот с Андреем поговорю: совсем он вас распустил! И выбрось все из головы. Остров — это военная часть, в гидроотдел флота входит, и размеры его есть секрет, военная тайна. Узнай ты их, так в отпуск поедете — всей деревне разнесешь. А я за все и отвечай; подполковник Шулейко с меня три шкуры спустит.

...Осталась одна надежда на Тольку. А тот и сам заинтересовался:

— Да-а? Так измерить же можно. Ты погоду, далеко не уходи, я сейчас сажень на скорую руку сколочу.

«Что такое за сажень? И как великий остров можно измерить...» — сгорал от любопытства Николка, слоняясь поблизости дома, не отходя далее озера Гранитного, что рядом с маячным бревенчатым складом, что всего в сотне шагов. И при этом зорко поглядывал за Толькой, что-то мастеровившим на хоздворе, как отец называл вытоптаный пятачок с торца дома, что ближе к входной двери, между стеной его и баней. Здесь прямо у незаконной стены уложена бунта коротких бревен, а рядом

кóзлы для их распилки; тут же стоймя стоял чурбан, похожий на большой барабан, для колки дров. Бревна эти, выброшенные морем на берег в весенние и осенние шторма, отец с Юркой и Толькой там же на берегу пилили и, затянув петлей из крепкого фала*, сволакивали к дому с пологого берега напротив Бурой скалы.

...На обязанности же Николки с этого лета лежало перетаскивание уже готовых поленьев малыми, по возрасту его, охাপками вокруг всего дома в дровяной сарай, располагавшийся с другого торца дома.

Понять суть Толькиной работы он не мог, как не может человек, даже многоопытный взрослый, что-либо сообразить о предмете, ему неведомом. Только цепко отмечал про себя: ага, брательник, порывшись в разном дровяном хламе, что не годился на дрова, но на всякий случай складываемом обок бревен, выбрал пару реек, одну из них подпилит, уравнив в размерах, и померил по себе: как раз до плеча. Вытащил из кучи еще одну рейку, покороче. Затем зашел в дом и вынес оттуда молоток и величайшую отцову ценность: метровую металлическую линейку, отсвечивающую на летнем солнце как гибкое узкое зеркало. Застучал молотком. Уже не в силах сдерживать любопытство, Николка без зова приблизился к хозяеву.

— Вот и сажень, — продемонстрировал довольный Толька изготовленный прибор: две длинные рейки, сколоченные одними концами, а вторыми разведенные почти на два Николкиных роста и закрепленные посередине поперечной рейкой.

— А-а что это?

— Ты, Николка, тугодум, — явно подражая матери, ответил Толька, — я же говорю: сажень, расстояние мерить. Между концами расстояние полтора метра, на два, как положено у землемеров, длинных реек не нашлось, но и этого хватит. Вот смотри, — и Толька пошел от дома, ловко на ходу выкручивая саженью кренделя, ставя поочередно заструганные концы ножек по выбранному направлению: на Гранитное озеро.

— Полтора, три, четыре с половиной... — в такт поворотам шагомера повторял он, — нет, с этими полторашками обязательно собьешься; лучше считать на разы, а потом их умножить на полтора...

Николка ничего не понял в счетных упражнениях брата, но на разы и сам умел доста считать. Эк удивил! Зато он хорошо помнил строгий запрет начальника маяка на всякие попытки узнать размеры острова, о чем тотчас и напомнил Тольке.

— А мы на горку и не пойдем, а Федоров с нее раз в год по понедельникам спускается, да и то только к пирсу...

— Как же мерить-то остров в длину, если не горку не заходить?

— А так; длина острова по линии «юг — север» измеряется от Южного мыса до Носового, а наш дом как раз посередине этой линии... плюс-минус метров пять, не больше.

— Откуда знаешь?

— Опять же оттуда; надо иногда взрослых мужиков слушать и запоминать, они иногда и умные вещи говорят. Вот когда телефонные провода с горки, от маяка к нам с Гусаровыми тянули, так Колчедыкин, что за разметку отвечал, делал промер рулеткой, а я ему помогал. Он и планчик нарисовал и говорил мне, что наш дом-то и посередине острова в длину.

Николка прекрасно знал холостяка Трофима Матронины по прозвищу Колчедыкин — хромает на левую ногу с лошадиной стопой, как говорит отец, но все одно не мог сообразить: даже если их дом посередине, то как же измерить длину острова, не заходя на маячную горку?

— То ли ты еще мал годами, а может и бестолочью уродился, — задумчиво по-

* Плотная веревка канатного типа. — Прим. авт.

глядел на него брат,— измерим от дома до Южного мыса и умножим на два! Да и с горкой-то было бы сложнее: учитывать перепады высоты, а на нашей низине только одна Вороничная сопка, и та небольшая. Все, пошли. На вот тебе мою записную книжку и карандаш. Я считаю и как дойду до ста — ты на этой вот странице чистой ставь крестик... это-то хоть умеешь? Будешь моим, э-э, ассистентом. Все, двинули.

Через полчаса Толька довертел своей саженью до Южного мыса, лишь дважды немного отклоняясь от курса: слева обогнул ближе к дому Гусиное озеро и справа — самую вершину Вороничной сопки. В последний пролет счет до ста не дошел, поэтому Толька лично записал в книжку нужное число остатных шагов сажени.

— Та-ак,— размышлял он, возвращаясь с Николкой рядом и саженью на своих двух плечах растопыркой вперед,— а сейчас поперек измерим; и опять самая ширина, это и на глаз видно, будет проходить между нашим домом и Гусиным озером, с запада на восток от скалы с обрывом до противоположного берега, за домом Гусаровых, оставляя справа зенитные землянки. Поторапливайся, надо к обеду закончить. Сегодня мать обещалась щи с бараниной сварить. Очень я баранину уважаю, на Палагубском к ней по привычке. И кисель из засахаренной морошки с утра затворила.

К обеду не только успели замерить ширину, но Толька, морща лоб от умственных упражнений и даже справляясь со школьным учебником («Надо, понимаешь, учесть перепады высот и всякие огибанья»), пошабил:

— Все, вот и размеры: в длину километр почти равно, а в самом широком месте — четыреста шестьдесят метров. Плюс-минус, конечно, какой-то имеется. Теперь, Николка, можешь спать спокойно: и военную тайну Федорова сами узнали, и профессию землемера освоили! Пускай теперь подполковник Шулейко сон потеряет: вычислены размеры секретного острова, ха-ха-ха!

...А как протягивали телефонные провода под руководством Трофима — Николка и сам хорошо помнил. И даже из разговоров отца с матерью знал: почему маяк, маячный дом и их с Гусаровым отдельные дома соединили телефонами. Просто в середине прошлого лета, тож при незаходящем солнце и распрекрасной погоде в неурочный час вынырнул из-за Южного мыса как-то незаметно подкравшийся гидроотдельский белый катер и скоренько пришвартовался у скалы-пирса в Языковой бухте. Да так скоро, что Федоров едва-едва, запыхавшись, успел сбежать с маячной горы.

К его ужасу прибыл сам подполковник Шулейко, начальник политотдела гидроотдельской службы флота — гроза и кара, редко милость для всех маячников Кольского залива и всего побережья Кольского же полуострова от норвежской границы, от Печенги, Рыбачьего, далее Кильдина и вдоль Терского берега, мимо Поноя и с загибом вовнутрь побережья Белого моря до самой Кандалакши.

К ужасу — потому что обычно в этот срединный летний месяц Борис Никифорович отдыхал от трудов праведных в Крыму в военной санатории или заглядывал на родную Полтавщину. Как потом слышал Николка из рассказа за обедом ухмыляющегося злорадно отца, его старинный, еще с довоенной службы, враг Шулейко остался без южного пляжа и полтавского сала по причине не столь давней кончины Иосифа Виссарионовича: «Сейчас в верхах и не только в них сумятица, вот и все маломальские начальники стараются не отдаляться от своих кресел». Мать внимательно слушала, боязливо оглядываясь на ребят, дескать, рано им все это слушать, еще болтнут что где не надо...

...Но весь-то ужас и был в том, что лишенный отпуска Шулейко решил отравить жизнь всем маячникам вверенного ему политопеке гидроотдела флота. Холодно кивнув головой Федорову, в сопровождении двух черномундирных, как и он сам, капитанов, он молча проследовал на маячную горку, остановился, чуть запыхавшись от подъема по крутой лестнице без перил, велел, не оборачиваясь к стоящему за его спиной Федорову, собрать личный состав. Тот взял под неналичествующий на его

голове козырек и крикнул околачивающемуся чуть поодаль седалинскому Ваське: «Мигом вниз за Андрееном и Гусаровыми!»

При имени Андреена Шулейко досадливо поморщился, но тут же вскинулся:

— Ка-а-к? На объекте постоянной готовности личный состав мальчишки собирают? И почему на самом маяке никого нет?

— Так, товарищ подполковник, время летнее, светлое, погода хорошая, а дизеля оба на регламентном ремонте...

— Ма-алчать! Это как оба дизеля? А если срочно маяк надо задействовать, а?

— Так ведь лето...— изобразив тупость на лице, пробовал оправдываться Федоров.

— Никаких лет, а вдруг чрезвычайная ситуация? Запомни, Федоров: хотя ты у меня на хорошем счету, но заруби себе на носу, что маяк, как хорошая б..., всегда должен быть готов к работе. Даже на случай солнечного затмения!

Но на сам маяк Шулейко не пошел, ибо техника — не по его компетенции, а на агитплощадке перед большим маячным домом, где стояли пара скамеек, щит с пожелтевшей наглядной агитацией и детские качели, впрочем, серьезных размеров, поодаль, провел политзанятие: общую часть для всех и отдельно закрытую для маячных партейцев: Федорова и Седалина.

Зная, что Борис Никифорович отменный едок, Федоров еще загодя кивнул жене, выглядывавшей в окно, а после закрытого партсобрании почтительно пригласил Шулейко со спутниками отобедать, заранее извиняясь за простоту стола.

После духмяного, жирного, наваристого борща и запеченного палтуса, клюквенного морса и пирожков с морошкой Шулейко несколько отошел и продиктовал одному из капитанов:

— Енгошлыков, запиши в замечаниях: выйти с предложением в техотдел об установлении на маяках Седловатый, Торос, Сальный, Береговой и на обоих Кильдинских — Северном и Западном внутренней телефонной связи,— и, обращаясь к Федорову, добавил:

— Не так скоро, думаю, но из техотдела все для связи завезут, а по поводу дизелей устно предупреждаю. Имей в виду, на себя ответственность беру.

И верно, к концу августа уже не «адмиральский» белый, но техотдельский катер «аркашка» доставил на остров пяток списанных, но исправных, корабельных телефонных аппаратов с индукторами, одетых в толстостенные стальные корпуса... и только. «Телефонного провода на базе нет,— коротко пояснил старшина катера,— сами чего-нибудь сообразите».

Не привыкать-стать, Федоров сообразил быстро: налил из лично опечатываемой канистры со спиртом для протирки рубинов маячного прожектора армейскую фляжку... чуть подумал, принес из дома порожнюю четвертинку и ее затарил. После чего сел в моторку и отправился в недалний путь на левый берег залива в Медвежьей губу, где стояла артиллерийская часть.

В зоне полного «сухого» закона фляжка с гаком-четвертинкой принесла Федорову целую бухту армейского телефонного провода, которую, надев по центру на палку, с кряхтением подняли на горку и занесли в маячное здание Гусаров и Матронин, как самые молодые; здесь даже врожденная хромота Трофима в расчет не принималась. За ними, поскольку время еще было каникулярное, гурьбой шли все ребята острова, крайне заинтересованные в появлении провода — вечного пацановского дефицита; они на ходу оценивали достоинство его, а также изустно прикидывали: сколько им достанется обрезков. Получалось, что много. Федоров степенно вышагивал обок несунув и отдавал распоряжения Матронину, уже назначенному старшим по телефонизации, учитывая, что Трофим имел полное среднее образование и после школы, не призванный по инвалидности в последний год войны, некоторое время работал в Соломбалах, портовом пригороде Архангельска, на узле связи электромехаником.

— Пока, Трофим, дожди не зарядили, нарисуй-ка планчик проводки и сваргань для установки на маяке распределительный щиток. Вот тебе вводная, а остальное сам, как специалист, додумаешь. Действуй!

Целых две недели Трофим Матронин, которого на это время за глаза перестали звать Колчедыкиным, был самым важным человеком на острове, так что руку поутру мужикам подавал, неохотно вынимая ее из кармана брюк, только увидев уже протянутую здоровающимся. Даже Федоров с усмешкой, но с серьезным лицом приветствовал его: «Трофиму Батьковичу наше нижайшее!»

Для начала Трофим с устного разрешения начальника собрал маячников и самовольно сбежавшуюся ребятню, включая самых малолеток Николку и федоровскую Настену, что на год его моложе, на агитплощадке и разъяснил диспозицию:

— Значит так, мужики... извиняюсь и женщины, конечно, коммутатор я *установлю* в дежурке машинного зала, а от него три отдельные ветки: на промежуточный мостик — внутри маяка проводка; вторую, навесную без промежуточной опоры, — от мостика в Большой дом, а там по квартирам; договоримся так: один звонок — Егору Михайловичу, два — Седалину и три — мне. И самая длинная ветка — в низину: от маяка вниз вдоль лестницы, далее прямоком на склад, от него в дом Андреяну, а потом к Гусаровым. Там тоже отзываться по звонкам: склад — четыре, Андреяну — пять, Гусаровым — шесть.

— Все уши прозвонит, — недовольно отозвался Паша, — раз ветка отдельная, так и сделай нам также: один-два-три!

— Э-э, Паша, хотя вы с Верой и имеете среднеспециальное образование, а мыслите нелогично. Коммутатор задуман так, чтобы *абоненты телефонной сети* не только имели связь с маяком, но и друг с другом в любом варианте: первый, то есть Егор Михайлович, допустим, со складом — четвертым, когда там кто есть; пятый Андреян с Седалиным вторым и так далее. Понятно?

— Угу, — недовольно согласился Гусаров шестой...

Но здесь вступился хозяйственный Седалин, он же маячный завхоз и завскладом:

— Это что же — и столбы телефонные городить на низину будем? Так это работы на несколько месяцев: короба под столбы рубить*, камни с берега тоннами таскать, а где столько леса калиброванного под столбы взять?

— Чай мы не в городе, — снисходительно пояснил Трофим, — машины не ездят, а провод не оголенный, как на обычных телефонных линиях, но для полевой армейской связи: его и топором не перешибешь, а изоляция рассчитана даже... — Тут Матронин по ядовито расплзшимся улыбкам на лицах мужиков, в том числе даже не воевавшего, но служившего срочную Гусарова, сообразил, что зарпортовался...

— Ты, Трофим, за советскую власть нас не агитируй, сами знаем что за провод. Так прямо по земле *будешь тянуть* ко мне и Паше? — Николка услышал голос отца. Но и Матронин снова обрел начальническую рассудительность и не меньшую язвительность:

— Нет, Андреян Матвеевич, тянуть буду не только я, но и все мы вместе. И тянуть, как ты выразился, не по земле, а с провисом в полметра-метр на самых простых кóзлах шалашного типа. Объяснять дальше? Или опять про родную нашу власть напомним?

Здесь Николка краем глаза отметил: старшие ребята, Юрка, Толька и седалинский Васька, услышав про достоинства телефонного провода, переглянулись, обреченно махнули руками и развернулись идти прочь от агитплощадки. Заинтересовавшийся таким странным поведением пацановских авторитетов Николка пошел за ними, но на ходу все же дослушивал:

* На тамошнем безземелье, где на скалах — и то в лощинах-низинах — в лучшем случае десять-двадцать сантиметров торфа, столбы ставят в специальные бревенчатые срубы-короба, в него ставят столб основанием и сруб заполняют камнями, обычно без раствора. — Прим. авт.

— ...Не особенно-то про власть рассуждай! Сам понимаешь, что в стране траур по великому Вождю, а ты... Смотри, хоша и не партеец, но попадешь в черный список к Шулейке! Вот как Андреян еще с довойны там накрепко прописался.

И, уже покрывая смешки маячников на его слова об Андрее, Федоров загадочно улыбнулся, чуть подумал, но досказал:

— И все же Трофим, если захочет, всегда с хорошей инициативой выйдет. Так вот, по этим же проводам ко всем вам будет с шести до двадцати четырех каждый день радиотрансляция идти от маячного приемника. Так что бабы в Полярный как поедут, так пусть в Циркульном магазине громкоговорители покупают. А нам с Гусаровым и Трофимом тоже хватит тратиться на батарейки для своих радиоточек. Правда, на время телефонных разговоров радио будет замолкать — тут Трофим какую-то хитрость автоматическую придумал, но — без этого никуда не денешься, не тянуть же на полострова по три провода кряду? Да и не хватит по три-то и целой бунты...

— А чего ушли-то? — Николка, дослушав про радио, очень обрадованный этим, догнал братьев и Ваську.

— А то, что этот провод годится только чтобы Гитлера с Черчиллем и с Эйзенхауэром впридачу вешать, — сплюнул Юрка, — я сразу заподозрил, хотя бунта толем* и была обернута, по тяжести. Э-э-х! Жалко. Ни для какого стоящего дела не годится.

— Почему?

— Слушай, малой, ты иди-ка по своим детсадовским делам, коли они у тебя имеются, а будут линии тянуть — сам увидишь.

...Действительно, когда на острове закипела телефонная работа, мужики начали разматывать бунту и резать провод по длине линий, Николка подобрал первый же обрезок и, подражая Юрке, тоже сплюнул. Нд-а-а, никуда не годится: никаких тебе под оплеткой-изоляцией пучков цветных, мягких проводков, что братья привозили на каникулы из Полярного, а единый, в полторы спички толщиной свитый стальной провод, жесткий и, как пружина, не сгибаемый.

— Пап, — спросил Николка отца, — а почему провод-то такой жесткий и пружинит?

— Армейский потому. В кино, наверно, уже видел, как солдаты такой разматывают между окопами и командным пунктом. А вокруг мины рвутся, снаряды, бомбы с самолетов. Провод же все это должен выдержать — связь обеспечивать. Взорвется в метре от него мина, отшвырнет провод на десяток метров, тот изогнется, напряжется, но не порвется. Вот так-то!

По этой причине он потерял было всякий интерес к телефонной сутолоке, но Трофим совсем разошелся и уже командовал напропалую взрослыми и малыши. Додумался до того, что, размечая линию прокладки провода на низине, стал на верхней площадке лестницы на горку этаким фертом, а ребят расставил по примерным местам установки козел и сверху в мегафонный раструб командовал:

— Витька! Два шага вправо и три назад. Васька! Хватит болтаться, стой смирно. Николка! Стань спиной к двери склада, отсчитай пять шагов и замри.

Даже Тольку привлек, а Юрка специально из дома не выходил, чтобы не позориться. Отец, шедший на вахту на маяк, притормозил около Николки и со смешком сказал, адресуясь более к выходившему в это время из дверей склада озабоченному чем-то Седалину:

— Прямо по Гоголю: а поставить квартального Пуговицына, как длинного ростом, для благоустройства на мосту!

Седалин, прочитавший во взрослой жизни только две книги: устав караульной

* Рубероид.— Прим. авт.

службы на срочной в тридцатые годы и устав же *ВКП(б)* пять лет назад при вступлении в партию,— опасливо посмотрел на грамотея и промолчал.

...Так и не сбылась во время телефонной горячки Николкина мечта переделать свой плохонький однолезвийный складной ножик, к тому же разболтанный донельзя, в почти что финку. Толька брался довести все до ума: заклепать лезвие в ручке — переделать складной ножик в нескладной, с жестко закрепленным лезвием в ручке; само лезвие переточить в маячной мастерской на электрическом точильном круге под боевой фасон и там же отшлифовать до зеркального блеска; на боках ручки также заклепать медные планки — для тяжести и объема... Но все это великолепие он хитроумно обещал проделать только после того, как брательник раздобудет цветных проводков, чтобы, как он выразился, «придать товарный вид», оплеть ими ручку. А без этого и смысла нет возиться. «Я в Полярном пучок для тебя нашел, но кто-то из интернатских спер»,— объяснял Толька, скашивая глаза в сторону.

Хорошо ему говорить, ведь у самого-то настоящая финка с цветным плексиглазовым набором, отшлифованная, с лезвием столь заточенным, что волос на лету режет! Да еще в чехле-ножнах с петлей под брючный ремень, что мать на машинке прошила, а выкройку сам Толька вырезал из голенища старого ялового отцова сапога; тот и сам из него заплатки на задники валенок вырезал. А заготовку для финки Толька из Полярного привез: подобрал около помойки ресторана «Ягодка» столовый нож с поломанной накладной костяной ручкой.

— О-о! Хорошая сталь, золлингеновская,— сказал отец, вертя нож в руках,— как же, как же, помню: в сорок шестом в «Ягодку» из германских репараций до чертиков сколько всякой посуды повезли. Финку будешь делать? Так завтра с утра на маяк приходи: дизель на суточный прогон после переборки будем ставить, так что хоть целый день точило можешь крутить. Да и Колун, хотя это не его дело, завтра с Седалиным на Большой Олений на моторке пойдут — до ночи; там старший Седалин пятьдесят лет отмечает.

Хотя тогда Николке, в отличие от Седалина-старшего, что маячничает на Большом Оленьем, стукнуло не пятьдесят, а ровно в десять раз меньше, но он уже знал, что Колуном отец зовет в домашнем общении начальника Федорова.

...А без ножа, желательно финки в ножнах на боку, пацану на острове и делать нечего, зазря только из дома выходить и обувь трепать. Даже свистульку из обрезка ветки куста не сделать, не говоря уж о луке со стрелами. «Вот пойду в школу в Полярном, наберу цветных проводков, а еще лучше цветной пластмассы, найду около «Ягодки» золлингеновский нож и сделаю финку получше Толькиной — с канавкой на лезвии. А вырасту, так и вовсе меч выточу из стальной полосы, которыми пол под дизелями выслан. Как у Александра Невского, что в кино, которое на той неделе на остров привозили».

